

ЛАРИСА ЯКОВЛЕВНА КОСТЮЧУК

Псковский государственный университет (Россия)

Псковские говоры в их синхронно-диахронных отношениях с соседними языками (к фиксации и исследованию)

Лексикографическая работа отражает и сохраняет знание о контактах русских говоров с балтами, финно-уграми в прошлом и настоящем. Научные исследования уникальных особенностей псковских говоров (несвершение второй палатализации в корнях **кєп-**, **кєв-**, **кєд-**; необычные сочетания согласных [гл], [кл]; особое появление звука [х]: **мяхо**, **спрахывать**; мена свистящих и шипящих звуков: **суба** ‘шуба’ и др.) обосновали особое положение псковских говоров среди всех восточнославянских языков и всех русских говоров. Сбор и изучение псковской народной речи приводят к пониманию роли синхронно-диахронных отношений псковских говоров с соседними языками в условиях “пограничья”. Некоторые уникальные особенности псковских говоров выделяют их среди восточнославянских языков и всех русских диалектов. Многоаспектная лексикографическая работа над *Псковским областным словарём с историческими данными* заставляет обращаться к объяснению специфических диалектных черт слов (**кєп**, **всеґди**, **мочиґло**, **подпояхаться**, **приведи булку** и др.) и находить исследовательские решения, которые меняют принятые научные мнения. Значим учёт данных археологии для выяснения жизни предков псковичей при общении с носителями других языковых систем (прежде всего балтских и финно-угорских). XX век показал, что запись народной речи на всех этапах сохранения материала должна быть достоверной, поскольку внимание даже к немногочисленным фактам может положить начало важному открытию и сделать новые теоретические выводы.

Ключевые слова: псковские говоры, Псковский областной словарь с историческими данными, равноуровневые диалектные особенности, несвершение второй палатализации, отсутствие упрощения сочетания согласных, русско-балтско-финно-угорское пограничье.

Выбор темы статьи для номера журнала *Slavistica Vilnensis*, посвящённого светлой памяти замечательного учёного — Валерия Николаевича Чекмонаса, был обусловлен интересами автора, занимающегося

псковскими говорами в их прошлом и настоящем, и тем, что В.Н. Чекмонас в течение ряда лет пристально занимался этими говорами, прежде всего в их синхронном состоянии, но с вниманием и к истории некоторых явлений. Одна из последних статей Валерия Николаевича была опубликована в псковском сборнике по итогам очередной конференции по проблемам псковских говоров, участвовать в которой, к сожалению, он уже не мог [Морозова, Чекмонас 2003, 206–223].

Середина XX в. в отечественной лингвистике ознаменовалась многими крупными научными исследованиями, новаторскими начинаниями новых проектов и открытиями в области отдельных направлений лингвистики и относительно отдельных фактов, некоторые из которых давно не давали покоя специалистам. Началась разработка теории современной филологии как “содружества гуманитарных дисциплин”¹, что позволяло привлекать к исследованиям достижения из разных областей науки.

Диалектология как одна из исторических наук способна помочь в понимании и объяснении современных явлений, а при хорошей теоретической и практической базе — и реконструировать диахронные языковые процессы. Напомним, что сразу после окончания войны в 1945 г. учёные активно обратились продолжили сбор материалов народных говоров, возобновились диалектологические экспедиции, прежде всего для “Диалектологического атласа русского языка” (ДАРЯ), полевые работы для которого невозможны были в войну. Так, уже летом 1945 г. в разрушенной войной Псковской области силами студентов Ленинградского университета под руководством преподавателей и научных сотрудников Академии наук было обследовано более 40 деревень разных районов (полевые записи этого года с отражением народной речи носителей псковских говоров старшего поколения, родившихся в XIX в., хранятся в Межкафедральном словарном кабинете имени Б.А. Ларина Санкт-Петербургского университета, как и весь последующий архив, а в Псковском вузе сосредоточены записи псковских экспедиций, начиная с 50-х годов)².

В научных и многих учебных учреждениях началась обработка собранных диалектных материалов, задумались и над созданием новых диалектных словарей и словарей литературного языка, поскольку война нанесла большой ущерб сохранению лексикографического богатства. Это стало объективным поводом для обращения и к сравнительно-историческому осмыслению необычных языковых фактов, продолжая традиции отечественного языкознания с его достижениями, идущими от компаративистики и лингвогеографии XIX в. Крупные слависты с

широким кругозором неизбежно связывали настоящее с прошлым при объяснении современных явлений, особенно в народной речи, привлекали данные из разных сфер национального языка, разных языковых уровней, обращая внимание на бытование явления в соответствующих лингвогеографических условиях.

В этот период в связи со сложившимися обстоятельствами у Б.А. Ларина, имевшего богатый опыт лексикографической работы, подготовки картотеки и Инструкции для “Древнерусского словаря” и в предвоенное, и в послевоенное время, руководившего диалектологическими экспедициями и имевшего уже прекрасных учеников-исследователей, формировались идея и план создания *Псковского областного словаря с историческими данными* (далее ПОС). Сам Б.А. Ларин так определил характер этого словаря: “Региональный словарь на широком историческом фоне — принципиально новое дело в мировом языкознании. Он явится источником разнообразных исследований исторического, сравнительного и теоретического характера и послужит образцом для других словарей этого типа — русских, славянских, финских, балтийских и т. д.” [Ларин 1967, 3].

Действительно, богатая псковская письменность отражает и местные лексико-семантические особенности, поэтому можно обнаружить изменения в семантике на временной вертикали. Используется и материал из памятников псковской письменности XIII–XVIII вв. Кроме того, это словарь полного типа, предполагающий фиксацию и слов общерусского языка, которые попадают в поле зрения собирателя и лексикографа. А сравнение разных систем национального языка убедительнее отражает своеобразие народной речи. Это позволяет не только представить современное состояние псковских говоров, но и увидеть жизнь слова на протяжении веков.

Работа над словарем псковских говоров началась не случайно. Их необычность обращала на себя внимание многих исследователей, отмечавших, прежде всего, фонетические особенности (Н.М. Каринский, А.А. Шахматов, А.И. Соболевский, В.И. Чернышев, А.М. Селишев, Р.И. Аванесов, В.Г. Орлова, Н.П. Гринкова и др.): наличие заднеязычных согласных там, где в общерусском языке присутствуют свистящие типа **кеп** вместо общерусского **цеп**; необычные сочетания согласных [гл], [кл] на месте о-слав. сочетаний *dl, *tl, изменившихся в вост.-слав. языках в *l; перемещение ударения к началу слова типа **рúчей**, **перéходы**, **Зáвеличье**, **Зáпсковье**, **Бóрис**; типичные псковские случаи типа **мýхо** вместо **мясо**, **подпóйхываться** вместо **подпоясываться**, **мехáть** вместо **мещать**; загадочные соответствия типа **примекáть**

наряду с **примѣтить**. Уникальность псковских говоров подчеркнул Б.А. Ларин: “Народная речь Псковской области представляет большой интерес в международном плане, не говоря уже о ее исключительном значении для историков и диалектологов русского языка, так как она отражает тысячелетние связи и культурный обмен русского населения с тесно примыкающими народами прибалтийско-финской группы, с латышами и литовцами, а также белорусами” [там же].

Продуманно интенсивной была подготовка и организация, сплочения замечательной команды словарников — учеников и единомышленников:

- 1960 год — первая Псковская диалектологическая конференция, состоявшаяся в Псковском пединституте, в которой приняли участие диалектологи и историки языка из Ленинграда, Пскова, Новгорода, Риги, Даугавпилса;
- 1961 год — публикация Ларинской “Инструкции Псковского областного словаря” [Ларин 1961];
- 1962 год — выходит первый сборник “Псковские говоры. I” с многообещающей цифрой “I” [Ларин (ред.), 1962]: начало большого труда положено;
- далее — непрекращающаяся работа над словарём до настоящего дня.

Первые годы работы над словарём принесли удивительные результаты не только в лексикографической практике (ценные словарные семинары под руководством Б.А. Ларина до его безвременной кончины — незаменимая школа для всех участников; создание словарных статей и их обсуждение), но и в исследованиях того, что каждому приходилось замечать, что хотелось как можно лучше исполнять, понимая.

Первый же сборник научных статей “Псковские говоры. I” [Ларин (ред.) 1962] вызвал большой научный интерес лингвистов: он содержал исследования на основе работы с картотекой псковских говоров при составлении словарных статей. Главный редактор отметил: “Непосредственное изучение северо-западных говоров Псковской области привело З.В. Жуковскую к хорошо обоснованным выводам о процессе их образования. Историко-сравнительные изыскания С.М. Глускиной обогащают фонетику русского языка” [Ларин 1962, 3].

Характерно, что обе статьи отличались выводами, имеющими отношение к “синхронно-диахронной” судьбе соответствующих явлений, обнаруженных в современных псковских говорах.

У С.М. Глускиной удивляют наблюдения над произношением псковских слов со звуком [ch] вместо звука [s] (**технѣться** ‘теднѣться’, **хвет**

‘свет’, **свѣхтываться** ‘совсвистываться’, **вмехнуть** ‘совместить’) и вместо звука [š] (**спра́хывать** ‘спрашивать’, **вехать** ‘вещать’) и под. С.М. Глускина сначала восстановила традиции объяснения судьбы появления вообще славянского звука [ch], в особенности во взаимодействии и соотношении со звуками [s] и [š].

Важно, что, выяснив решения предшественников, автор обосновал собственное понимание условий псковского звука [ch] на максимально полном количестве привлекаемых на то время примеров. Один из главных тезисов статьи С.М. Глускиной:

По-видимому, фонетически незакономерный звук [ch] появился в псковских говорах в связи с какими-то особыми, свойственными этим говорам языковым явлениям. Такой местной особенностью, приведшей к возникновению [ch] на месте общеславянского [s], как нам представляется, было неразличение свистящих и шипящих, одно из древнейших явлений псковского диалекта [Глускина 1962, 33].

Исследователь подошёл к этому явлению с учётом древней фонологической системы (неразличение в древности соответствующих фонем); выяснил структурные особенности у соответствующих слов с нетрадиционным звуком [ch] (учёт морфонологии). Значит, звуки [s] и [š] смешивались в каком-то общем звуке. Специфика явления в том, что звук [ch] исторически мог появиться или из звука *s, или через звук *š. Неразличение указанных звуков могло проявляться уже до первой палатализации заднеязычных согласных, когда они во всех славянских языках переходили в шипящие согласные. Неразличение свистящих и шипящих, по мнению С.М. Глускиной, возникло у окраинной части славян (кривичей — предков псковичей) “*в результате более тесных локальных контактов с балтийцами*” [Глускина 1962, 41] и с финно-угорскими языками (в эстонском языке, например, имеются только свистящие звуки) как “*следы древнего балтийского (< западнофинского) субстрата*” [там же, 40]. Тогда понятны в современных псковских говорах случаи типа **уз^жна́ли** вместо **узна́ли**; **жа́дний** вместо **за́дний**; **жу́бы** вместо **зубы**; **шобсны** вместо **собсны**; **суба** вместо **шуба** — связь с соседними языками поддерживает такое произношение. Псковские памятники прошлого, например, местные псковские грамоты XIV–XV вв., обнаруживают немало случаев типа **позня** ‘пожня’, **Здановы дети** — прилагательное от имени **Ждан** [Марасинова 1966].

К концу XX в. при разработке теории древнего псковско-новгородского диалекта А.А. Зализняк, подчёркивая роль севернокривичского особого состояния языка, привлекает и такую уникальную псковскую

черту, как особое проявление звука [ch], что было замечено в псковских говорах: “В древнепсковском диалекте в определенных позициях s и ŝ могли переходить в x” [Зализняк 1995, 45]. При этом упоминается работа С.Л. Николаева [Николаев 1988, 128–132], по поводу которой А.А. Зализняк пишет:

Но этот процесс, по-видимому, относится уже к письменной эпохе: как показал С.Л. Николаев, основная позиция, в которой происходил этот переход <...>, – это положение перед сонантом; между тем в таких примерах, как *смехно* ‘смешно’ <...> и т. п., контакт с сонантом возник лишь после падения редуцированных [Зализняк 1995, 45].

Особо выделяя пример с *Макхи[мк]о^м*, А.А. Зализняк специально подчёркивает как значимый факт “переход С в X, характерный для псковской зоны” [Зализняк 1995, 75].

Напомним открытие, касающееся псковских говоров, которое сначала вызывало горячие дискуссии, а потом получило научное признание. Углублённая работа над ПОС в середине 60-х гг. XX в. дала возможность С.М. Глускиной обратить внимание на редкие лексемы с сохранением заднеязычного звука [к] перед [е] дифтонгического происхождения. Учитывая условия для осуществления в славянских языках второй палатализации в соответствующих формах и корнях, затем для “избавления” от её результатов при стремлении к единообразию облика слова, принимая во внимание наблюдения и мнения учёных и при этом имея большой объём необходимых псковских фактов из всех доступных источников при сравнении с другими северо-западными говорами, учёный сделал собственные выводы именно о несвершении второй палатализации в языке древних псковичей и о причинах этого явления. В середине 60-х гг. XX в. С.М. Глускина предположила роль временного и пространственного факторов в жизни кривичей — предков псковичей: используя и работы археологов, объяснила, что это племя оказалось в соседстве с древними балтами, финно-уграми при изоляции от всего славянского мира в течение длительного времени в середине первого тысячелетия нашей эры. Поэтому древние псковичи и не пережили второй палатализации. Важно, что следы её отсутствия в их речи сохранились в псковских говорах в словах с древними корнями *kěp-, *kěd-, *kěv- из в целом небольшого количества корней (5–7), где были возможны условия для второй палатализации. Эти корни участвовали в номинации значимых понятий сельского быта. По мнению автора, важно учитывать, что слова с сохранившимся звуком [к] вместо [ц] корневого в современных говорах (*кѣп* вместо *цѣп*; *кѣдѣть* вместо *цѣдѣть*; *кѣвца* вместо *цѣвца* и другие однокоренные слова) “относятся к сельскохозяйственной и ре-

месленной терминологии” [Глускина 1968, 27], а “сохранение начального **к** именно в словах терминологического характера свидетельствует об исконности этого местного звукового явления” [там же].

Интересны рассуждения о постепенном аналогическом выравнивании основ слов: в период формирования собственно русского языка “в московской письменности постепенно утверждается склонение существительных без чередования заднеязычных с свистящими” [там же, 29]. А северо-западные говоры (прежде всего псковские) не знали второй палатализации, что объективно поддерживало процесс унификации слов. В связи с этим обратим внимание на следующее замечание С.М. Глускиной: “Северо-западное начальное *ке-*, не дававшее чередований, имело иную судьбу. Это было не морфологическое, а чисто лексическое местное явление” [там же, 30].

Имеется в виду значимость сохранения в таком древнем виде корня в привычных наименованиях терминологического характера для важных реалий в жизни сельских жителей. Это высказывание необходимо учитывать в системе всех доказательств специфики псковских говоров относительно несвершения второй палатализации.

Сопоставляя языковые факты, привлекая данные археологии, полученные при изучении славянских, финно-угорских, балтийских памятников [там же, 34], исследователь предположил, что кривичи — предки псковичей — появились у реки Великой и псковских озёр ранее, чем в языке всех славян произошёл “один из последних фонетических процессов, носящий общеславянский характер” — вторая палатализация заднеязычных [там же, 33]. Привлекая свидетельства лингвистов, археологов к доказательству относительно времени некоторых явлений и языковых процессов, С.М. Глускина особое положение предков псковичей связывает с VI–VII вв. [там же, 34]. Ослабление контактов кривичей с другими славянами объяснялось, видимо, положением этих славян прежде всего среди западнофинских (прибалтийско-финских) племён, “в звуковой системе которых возможны сочетания заднеязычных согласных с передними гласными” [там же, 38].

Идея лингвиста была впоследствии поддержана археологом-славистом В.В. Седовым [Седов 1994; 1995б], который время появления кривичей на северо-западной территории Восточной Европы определяет на основе археологических исследований следующим образом:

Сравнительно отчётливо вырисовывается культурно-племенная группа славян, расселившаяся в V–VII вв. в бассейне Великой и Псковского озера, а также и южной части Приильменя. Она представлена культурой псковских длинных курганов. Говоры этой группировки славян стали основой древненовгород-

ского диалекта, известного по берестяным грамотам из раскопок Новгорода. Этот диалект в своей основе принадлежит к праславянским [Седов 1995б, 71–72].

Позже А.А. Зализняк, не будучи ранее знаком с работами С.М. Глускиной далёких 60-х гг., на материале берестяных грамот объективно пришёл тоже к выводу об отсутствии второй, третьей палатализаций в древнем псковско-новгородском диалекте. Во время выступления про своё открытие, узнав от коллег о публикациях С.М. Глускиной в Польше [Głuskińska 1966, XV, 4, 475–482] и в Пскове [Глускина 1968, 20–43], учёный признал первенство предшественницы и написал Софье Менделевне письмо. Установилась переписка учёных, в ходе которой А.А. Зализняк предложил это важное для науки открытие назвать “эффектом Глускиной” и сообщил, что настоятельно рекомендовал говорить о нём в исторических курсах русского языка. И сам А.А. Зализняк в своих работах по данной тематике всегда с уважением упоминает имя С.М. Глускиной.

Сочетания согласных [гл], [кл] в определённом положении в составе псковского слова требуют особого внимания в условиях пограничья псковских говоров с балтскими языками. Эту черту нельзя не учитывать и в работе над ПОС при составлении словарных статей в их современной и исторической частях. Она, вероятно, подтверждает древнее балто-славянское единство, о ней говорил и А.А. Шахматов в лекциях по русской диалектологии в 10-е гг. XX в. [Шахматов 2010, 53–56]³. Эти сочетания согласных находятся на месте звука [л] из древних сочетаний *dl, *tl. Звук же [л] в таких условиях вообще характерен для всех восточнославянских языков, а в псковских говорах указанная необычная черта была обнаружена еще в XIX в. Пытаясь объяснить появление именно таких загадочных сочетаний согласных вместо древних сочетаний *dl, *tl, отвергнув предположение А.И. Соболевского, что “в псковском наречии, так же как в западнославянских языках, дл-, тл- не перешли в -л-” [там же, 53], А.А. Шахматов пишет:

Я считаю гораздо более вероятным и правдоподобным признание указанной звуковой черты наносною, зашедшею с запада, обязанною влиянию польского языка. У меня нет оснований отрывать белорусов от остальной русской семьи <...>, и в белорусском наречии западнославянские, польские черты естественнее, вероятнее всего признать чертами заносными, зашедшими в Белоруссию с запада [там же, 54].

Итак, предположив влияние со стороны (!) для случаев типа псковской диалектной формы прошедшего времени **вымякди** в сопоставле-

нии с формой настоящего **мятусь**, с корневым звуком [т] (это отмечал и Л.Л. Васильев) [там же, 53]), А.А. Шахматов же не может признать, что псковичи, как и белорусы, — не восточные славяне. И с большим уважением пишет А.А. Шахматов о том, кто обнаружил это поистине загадочное явление:

Зоркой наблюдательности ученика проф. А.И. Соболевского, Л.Л. Васильева, ... наука обязана открытием в памятниках древнепсковского наречия таких написаний, как **вегли** вместо **веди**, **сегли** вместо **седи**, **сустрекли** вместо **сустреди** [там же, 53].

Во второй половине XX в., начиная с середины века, в некоторых исследованиях нельзя было не учитывать объективное присутствие, определённое воздействие в данном случае древних балтов на древних псковичей в условиях близкого соседства при оторванности предков псковичей от всех других славянских племён. Наличие исконных сочетаний [gl], [kl] в языке древних балтов поддерживало как своеобразный “образец” сохранение без изменений древних сочетаний *dl, *tl у предков будущего восточнославянского племени. Обращает на себя внимание наличие большого количества слов с сочетаниями [gl], [kl] в современных балтийских языках: напр., однокоренные по происхождению со славянским русским литовские лексемы: **eglė** — **едь**, **gerklė** — **гордо**, латышское **egle** — **едь**, а также собственно балтийские — литовские **deklė** ‘ранец, сумка’, **dekla** ‘древняя литовская мера зерна’, **duoklė** ‘подать’, латышское **dūmeklis** ‘дымовая труба’. Отсюда понятны замечательные древние псковские слова **жергдо** ‘гордо’ — ср. **жердо**; **вымякли** — **мятусь** (в корне присутствует звук [т]).

Любопытно, что в современных псковских говорах изредка проявляется сочетание [кл] там, где исторически его не могло быть — в начале слова вместо исконного [л], начинающего корень. Недавно при сборе материала для *Лексического атласа русских народных говоров* в ответе на вопрос о названиях рыб было зафиксировано слово **клевщ** вместо известного общерусского названия **лещ**. Слово **клевщ** дважды отмечено в новгородских берестяных грамотах (№ 169 и № 964)⁴. Малое количество подобных примеров с начальной позицией вместо одного согласного объясняется, видимо, мешающим затемнением смысла слова и проявлением излишней омонимии в диалектной речи.

В древности исходные сочетания *dl, *tl при изоляции древних псковичей от другого восточного славянства, не имея возможности измениться, вследствие упрощения групп согласных в звук *l, поддерживались исконными балтскими сочетаниями с первым звуком [k], поскольку это было общение с близкородственными языками.

Широко представлены сочетания [гл], [кл] и в памятниках псковской письменности, например, фразеологизированное выражение **всегда на конь** в летописях со значением ‘выступить в военный поход’; слово **мочи́ло**, означающее ‘яма с водой для вымачивания стеблей льна’ в псковских грамотах XIV–XV вв. [Марасинова 1966, 55–56]. Последний пример требует пояснения, поскольку при публикации псковских грамот Л.М. Марасинова обнаружила в тексте копии XVII в. с подлинника 1417–1434 гг. раздельной грамоты на земли среди обозначений границ соответствующего земельного участка не очень понятное ей слово с выносной буквой “Г”. Эту букву исследователь вставил в слово таким образом, что получилась лексема ***могчило**, значения которой внимательный историк, работавший и со словарями, и с уже имевшейся картотекой *Псковского областного словаря*, не мог найти и посчитал её собственным именем — местным топонимом **Могчило**, скорее всего, типа микротопонима (но соответствия ему не было найдено в местных памятниках):

*А святому Вознесению и Оксеньтью достаиася третей жеребьи от Милецъ на мость, из моста в **Могчило**, а из **Могчила** до кроми до последнего мыса, до ороминѣ, да Милечкого мха [там же, 55].*

Поясняется такая подача слова так:

...возможно, слово искажено. Значение его неясно. Буква “Г” написана над строкой более светлыми чернилами” [там же, 56].

Идентифицировать слово в таком виде не удалось, поскольку, судя по контексту, это именно название закономерного общеславянского **мочи́ло**, но у псковичей — с псковской особенностью сочетания звуков [гл] вместо одного звука [л] из общеславянского сочетания ***dl** в суффиксе: дело в том, что в период исследования Л.М. Марасиновой активно о данном уникальном псковском фонетическом регионализме широко не говорили.

Исследуя тексты местных памятников, используя материал указанных грамот для словаря и встречаясь в современных псковских говорах со словами типа **егла**, мы посчитали, что составитель грамоты использовал местное слово **мочи́ло** ‘яма с водой, предназначенная для вымачивания стеблей льна при его обработке’, которое именно как псковское называет и А.А. Зализняк [Зализняк 1995, 40]. В правомерности такого решения убеждает и учёт контекста грамоты, в котором названы слова, указывающие на участок, близкий к водным объектам, напр., **мость**, **мысь**, **мох** ‘болото’.

В уникальном источнике сведений о псковской народной речи начала XVII в. — *Разговорнике Т. Фенне*, составленном в Пскове в 1607 г., в диалогах обильно представлены глагольные формы прошедшего времени с корнем **чет-** /**чт-** /**чит-**, поскольку речь идёт о том, что в торговых делах необходимо всегда “**счесться**” ‘сосчитаться’:

Я с тобой розлезлесь / расплатился / смолвился / розочкдлесь, да я тобѣ не виноват [Fenne Т. 1607 / 1970. 343]; *Я с тобой управился, сочкдлесь да тобѣ отплатил* [там же].

В другом, более раннем, памятнике, — *Разговорнике Т. Шрове* XVI в. тоже много подобных словоформ:

Вс[ѣ] ли ты сочкде, што и мне в [=у] тебе таит[ся] аль еще не считал [Schroue XVI / 1997, 14]⁵.

В этой фразе присутствуют две однокоренные словоформы с разной структурной организацией основы инфинитива. В форме прошедшего времени **сочкде** — конечный звук основы (исходно корневой звук *t) соединялся со звуком *l суффикса прошедшего времени, в результате образовалось звуковое сочетание *tl, которое в языке древних псковичей заменялось сочетанием *kl, что стало отличительной чертой в речи псковичей. В форме же **считал** другая структура основы инфинитива (на суффиксальный звук [a]), поэтому присоединение суффиксального звука *l не создавало сочетания согласных *tl.

В *Разговорнике 1607 г.* в подобной реплике (предполагается, что эти разговорники имели общий протограф) отражено звучание глагола **счесть** тоже в прошедшем времени, но в “стандартной” восточнославянской форме без сохранения первоначального сочетания *tl, то есть с упрощением в *l:

Ужѣ ты счѣд / считал, что мнѣ от тебе донять, аль ещё ты <не> считал?” [Fenne 1607 / 1970, 301].

В ряде приведённых примеров в формах прошедшего времени муж. р. ед. ч. (**розлезлесь, розочкдлесь, сочкдлє**) зафиксирована древняя псковская черта, о которой писал А.А. Зализняк как тоже о типичной для древнего псковско-новгородского диалекта в области морфологии (субстантивного склонения). У имён муж. р. твёрдого варианта бывшего склонения на *ǫ в им. пад. ед. ч. на конце присутствует **-е**, а не **-ь**. В русско-немецких разговорниках, составленных иностранцами на материале псковской народной речи для купцов, торговавших с Псковом как пограничным городом, оказались зафиксированными глагольные формы прошедшего времени, по происхождению именные: это бывшие

краткие действительные причастия с суффиксом **-л-**. Интересны в связи с этим наблюдения А.А. Зализняка:

Оппозиция “новгородское окончание **-е** — ц.-сл. и стандартное др.-р. окончание **-ъ**”, конечно, хорошо осознавалась новгородскими книжниками (и вообще грамотными людьми). Они несомненно умели делать соответствующий морфологический пересчёт, когда хотели писать в книжном или официальном стиле. В подобных случаях отдельные словоформы с **-е** могли проскальзывать в текст лишь по недосмотру [Зализняк 1995, 83].

Отвечают наблюдениям А.А. Зализняка эти глагольные примеры из разговорников и случаи из псковских грамот XIV–XV вв. Например, в духовной Акилины, жены псковского князя Фёдора (единственной подлинной грамоты 1417–1421 гг., а не списка XVII в., среди обнаруженных Л.М. Марасиновой грамот) находим:

*<...> а то даю **моужеву** своему Федороу в одерень а **изнесеться **моужь** Федоре** ино даю **щцноу** свою S дворовъ на Быстреи и половиноу **мелници** своеа <...> в манастырь черничамъ на корьмлю [Марасинова 1966, 73].*

В словосочетании **моужь Федоре** собственное имя **Федоре** с основной на твёрдый согласный звук [р] используется с этой типичной древней местной особенностью — нестандартным окончанием **-е** в указанной форме.

Этот небольшой отрывок из текста завещания обнаруживает признаки и книжного оформления официального документа, и, главное, местные черты, касающиеся разных уровней языка. Помимо данной морфологической особенности, отражены фонетические черты — чоканье (**черничамъ**), второе полногласие (**на корьмлю**); псковское слово **изнесеться** (инфинитив **изнестися**) в значении ‘умереть, скончаться’. Причём этот синоним к общерусскому **умереть** пока не удалось найти ни в одном диалектном и историческом словарях. Это слово пока считаем псковским регионализмом. В грамотах же, обнаруженных и опубликованных Л.М. Марасиновой в 1966 г., это слово используется в духовных грамотах неоднократно.

Практическая работа над ПОС и научное рассмотрение, интерпретация конкретных уникальных черт псковских говоров, естественно, требует обращения к местным письменным памятникам. Среди них есть удивительные памятники со свидетельствами о русской речи прошлого, составленные иностранцами, прежде всего немцами. Они предназначались для купцов, торговавших в Пскове, для облегчения общения с местными людьми. Ценность этих трудов для науки в том, что их авторы сумели зафиксировать не только специальную торговую лексику,

но и отразить именно живую речь псковичей того времени, затрагивая, помимо торговых ситуаций, многие стороны естественного поведения, общения и даже настроения людей.

Такие свидетельства ценны как доказательства древности своеобразия псковских регионализмов. Объективно такая ситуация показывает и оправдывает, насколько прозорливым было открытие Б.А. Лариним значимости записей иностранцев русской речи для изучения русского языка. Это был подлинный научный подвиг учёного, совершённый несколько десятилетий XX в. А в начале XXI в. все три расшифрованные, изученные им источника переизданы в одном томе учениками Учителя [Ларин 2002].

Правота учёного подтверждается и тем, что в XX в. в ряде стран, например, русско-иностранные разговорники разных веков вызвали интерес у многих исследователей. На протяжении 60–90-х гг. вышли в свет 7 наиболее известных и востребованных разговорников. Два из них — это уже упоминавшиеся разговорники Т. Фенне и Т. Шrove, отражающие псковскую речь XVI–XVII вв., которые активно используются для исторической части ПОС: первый — с ценными фразами начала XVII в. как иллюстрации; второй — для сопоставления, а также и для создающегося тоже в рамках Ларинской школы *Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.* [СОРЯ], среди источников которого ещё пять разговорников: *Анонимный XVI в.* [Аноним. разг.], *Копенгагенский XVII в.* [Копенг. разг.], *Тронхеймский* [Тронх. разг.], *Хеймера 1696 г.* [Хеймер. разг.], *Невенбурга 1629 г.* [Невенбург. разг.]. Подготовка и издание каждого из этих памятников — серьёзная исследовательская работа специалистов-учёных.

Поскольку в статье затрагиваются некоторые важные особенности псковских говоров, обусловленные особым положением в соседстве с неславянскими языками и условиями истории древнего славянского племени, обосновавшегося в бассейнах реки Великой и псковских озёр (что было выяснено с помощью научных достижений ряда наук), то обратим внимание и на некоторые факты из области лексики, которые могли проявиться тоже в результате языковых контактов псковских говоров в положении особого “пограничья” с соседними народами.

Современные отношения между соседними языками проявляются в основном на уровне лексики. То же относится и к народным говорам. Ср. следующие псковские фразы: *Лóшатъ ведёт дравá с лёсу; Вязлй́ — эта гарацкйи гьварят, а мы фсё вядём; пакóйник, так на дрóвни ли, на тилéгу, так фсё вядут* [ПОС 3, 118].

Содержание выделенной в примерах лексики соответствует общерусскому глаголу **везти**, который известен и псковским говорам, а форма выражения следует от глагола с корнем **вед-**. В ПОС отмечаются два омонима **вести** (приведённые случаи, естественно, относятся ко второму омониму **вести²** со значением ‘То же что **везти¹**’), то есть ‘перемещать, передвигать на телеге, машине, поезде и т. п.’ [там же, 118, 64]. Подобное наблюдается и в следующей фразе, отличной от общерусского языка, но с другим глаголом движения — по форме **везти**, а по содержанию **вести**: *Я лóшатъ с сѣнъм вѣс* [там же, 64].

Лексикографическое решение такое же: раз перемещение объекта передаётся без помощи транспорта, в отличие от общерусского языка, глаголом с корнем **вез-**, то разрабатывается словарная статья на второй омоним **везти²** с отсылкой ‘То же что **вести¹**’, то есть ‘идя, двигаясь вместе, направлять чьё-н. движение; помогать идти’ [там же, 64, 116].

Указанная особенность преимущественно распространена в районе пыталовских говоров, соседних с латышскими говорами; это “пограничье” около 20 лет в XX веке входило в состав буржуазной Латвии. В латышском же языке глагол **vest** в словарях фиксируется с двумя значениями: 1. ‘вести’; 2. ‘везти’ [Лоя 1946: 214]. Так отражается лексико-семантический синкретизм. Вполне вероятно поддержка указанного явления в псковских говорах со стороны говоров “соседей”.

Лексема [**в’ис’т’и**] в таком произношении для псковских говоров признаётся двумя отдельными словами с разными корнями (**вед-** и **вез-**) при разном орфографическом написании инфинитива.

Некоторые народные слова являются типичными для соответствующих территориальных диалектов в силу разных обстоятельств их истории и длительной “жизни” в системе говоров. Их можно назвать “опознавательными знаками” соответствующего диалектного региона. Таково, например, псковское слово **баркán** в значении ‘морковь’: это заимствование из прибалтийских финно-угорских языков. Слово **rog-gand** в ближайшем к псковским говорам эстонском языке, как и ряд других бытовых наименований, хорошо прижилось в русских говорах, став “своим”; оно приобрело и новые значения (на основе переноса), создало словообразовательное гнездо и “путешествует”, например, со старообрядцами и в ближнее, и в дальнее вынужденное зарубежье. При освоении этого “чужого” слова, активно используемого в повседневной жизни сельских жителей, наблюдается широко известное псковское явление — мена звонких и глухих согласных: в эстонском глухой звук [**n**], а в псковских говорах звонкий [**б**]; в эстонском звонкий звук [**z**],

а в говорах глухой [к]. Это одна из показательных фонетических черт псковских говоров.

Типичным псковским словом является и слово **по/асák**. Внимание к нему проявилось летом 2016 г. при археологических раскопках в Новгороде. На одной вновь найденной берестяной грамоте это слово было прочитано как относящееся к личному имени человека. Ни псковские археологи, ни случившиеся поблизости новгородцы не знали такой лексемы. Псковичи-археологи обратились к лингвистам-диалектологам, которым это слово хорошо известно (достаточно примеров в картотеке ПОС).

Слово распространено во многих районах Псковской области; по свидетельствам диалектологов, являющихся по рождению носителями диалекта, оно особенно характерно как для пыталовских говоров, так и для красногородских, расположенных в пограничье с латышским языком. Оно имеет много значений, и преимущественное их количество несёт негативную коннотацию. Поскольку пока нет выпуска ПОС со словом **посák**, приведём по картотеке некоторые иллюстрации из разных районов. Наиболее распространено у слова значение ‘нарушитель порядка, хулиган’: *Пасакí у нас тут брòдют кругóm. Што пасák, што филюгán, – анно́ и то жы* (Пыталовск.). Распространены производные значения со смягчённой резкой оценкой: ‘о детях: озорник, сорванец’ – *Где ты был, пасák? Цэ́лый день бéгал* (Красногородск.); ‘грубый человек’ – *Таки́х пасакóф нам ня náда* (Печёрск.); ‘легкомысленный человек’ – *Фчарáсь Фё́клинь мьлади́ць накупáль сваму́ пьсаку́ паштáники* (Красногородск.). Констатация неблагоприятного социального положения своеобразно отразилась в обозначении нищего, без подчёркивания отрицательной семы: *Он был пасák – харóший, кто хóдит, прóсит* (Островск.). Выдвижение семы ‘нанесение ущерба, неприятности’ проявилось в названии воробья: *Ганя́й пасакóф са ржы* (Новоржевск.), *Ф скварéшники насилíлся пасák, а скорá скварéц прилетíт* (Псковск.).

Судя по новгородской находке, слово древнее: по предварительному стратиграфическому определению времени археологического пласта, грамота относится к первой половине XIV в. Стало известно предварительное предположение А.А. Зализняка, что слово **посák** — результат усечения основы слова **посад** с дальнейшей суффиксацией, а значение его несёт отрицательный смысл, заложенный в прошлом в прилагательном **посадский** (житель). Но нам не встречались сведения о такой негативной окраске у прилагательного или у существительного.

Однако поиски возможных путей получения информации о слове продолжают занимать псковских лексикографов. Слово **посák** давно

хорошо известно именно в пограничье (часть которого до 1940 г. находилась в буржуазной Латвии). По словам диалектоносителей старшего поколения, оно встречалось и в латгальских говорах. Поскольку непонятна структура псковского слова, возникает вопрос, не проявилась ли какая-нибудь языковая связь между соседними говорами, в частности, на примере этой лексемы, которая в псковских говорах стала “своим словом”. Поэтому естественно обратиться к латышскому языку. Есть латышское слово *pasaka* ‘сказка’ [Лоя 1946, 148]. Но членится ли оно? В латышском языке есть корень *sak-* с семой ‘начало’ в словах *sākt* ‘1. начать, стать; 2. приняться за что-н.’ [там же, 172], *pasākt* ‘предпринять’ [там же, 146].. Но имеют ли они отношение к слову *nocāk*? [Костючук 2016, 108–110].

Итак, выяснение специфики псковских народных говоров, на которые обратили внимание А.А. Шахматов, А.И. Соболевский, Л.Л. Васильев и другие учёные ещё в XIX в., привело в XX в. к значительным научным открытиям. Многоаспектный подход к слову при работе над новым типом диалектного словаря (ПОС) в концепции Б.А. Ларина тем более предполагал обращение к достижениям науки в прошлом и умение исследовать необычные явления, связанные не только с семантикой, но и с фонетикой, грамматикой псковского слова в синхронии и диахронии. И, главное, предположить и обосновать причину проявления тех черт в псковских говорах, которые отличают их не только от других русских говоров, но и от других славянских, иногда и от всех других восточнославянских языков. Новые источники (включая и иностранные) с псковскими материалами, результаты достижений других гуманитарных наук (в частности, археологии) дают возможность лингвистам приходить к собственным решениям. Выяснение многих черт псковских говоров невозможно проводить без учёта древности, особого их положения в “пограничье”, отношений с другими языковыми системами. Научные дискуссии способствуют уточнению, некоторому изменению выводов. Это неизбежно в науке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Термин С.С. Аверинцева, обосновавшего в середине XX в. понятие новейшей филологии как “содружества гуманитарных дисциплин”, отвечающей требованиям времени с развитием многих новых направлений, использующих достижения других наук [Аверинцев 1990, 544–545].

² Сведения об архиве записей псковской народной речи за 50 лет, начиная с 1945 г., содержатся в специальном томе-приложении [Костючук (ред.), 1996] Кадастра “Достопримечательные природные и историко-культурные объекты Псковской области”. В настоящее время требуются дополнения подобных сведений.

³ Б.А. Ларин слушал замечательные лекции А.А. Шахматова по русской диалектологии во второе десятилетие XX в. в Петербургском университете и, понимая их значимость для науки, давно стремился подготовить их к печати. В 1941 г. рукопись А.А. Шахматова была готова для печати, но помешала война. После кончины Б.А. Ларина в 1964 г. Н.А. Мещерский, в память и о Б.А. Ларине тоже, пытался в 1967 г. убедить издательство в необходимости выхода в свет ценного труда академика А.А. Шахматова, но неудачно. Только благодаря усилиям ученицы Б.А. Ларина И.С. Лутовиновой удалось окончательно подготовить и издать труд учёного [Шахматов 2010].

⁴ При работе над статьей заинтересованный собеседник напомнил мне этот факт, за что я искренне ему признательна и с благодарностью упоминаю эту фиксацию как ещё одно подтверждение древности явления.

⁵ В издании *Разговорника Т. Шrove* нет кириллической транслитерации: фразы бесед XVI в. переданы латинскими буквами. Автор статьи транслитерировал текст кириллицей (по примеру публикации *Разговорника Т. Фенне*) для удобства чтения и понимания.

Источники

Картотека Псковского областного словаря. (Хранится в Межкафедральном словарном кабинете имени проф. Б.А. Ларина С.-Петербургского государственного университета и в Псковском государственном университете).

ПОС — *Псковский областной словарь с историческими данными*. Вып. 1–26. Ленинград / Санкт-Петербург, 1967–2016. [Издание продолжается.]

СОКРАЩЕНИЯ

Аноним. разг. — “*Ein Rusch Boeck*” / Ein Russisch-Deutsches anonyms Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XVI Jahrhundert / Hrsg. von A. Falowski. Köln; Weimar; Wien, 1994.

Копенг. разг. — Sorensen H.Chr. *Ein russisches handschriftliches Gesprächsbuch aus dem 17. Jahrhundert*. Kobenhavn, 1962.

Разг. Невенбурга — Russisches Elementarbuch von Nevenburgk, 1629, in Günther E. *Zwei russische Gesprächsbücher aus dem 17. Jahrhundert*. Berlin, 1964 (ротапринт).

Разг. Хеймера — Niederländisch-russische Gesprächsbuch von Heemer, 1696, in Günther E. *Zwei russische Gesprächsbücher aus dem 17. Jahrhundert*. Berlin, 1964 (ротапринт).

СОРЯ — *Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков*. Вып. 1–6. С.-Петербург, 2004–2014. [Издание продолжается.]

Тронх. разг. — *The trondheim Russian-german Msvocabulary*. Ed. by S.S. Lunden. Oslo; Bergen; Trömso, 1972.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверинцев С.С., 1990: Филология, in Ярцева В.Н. (ред.), *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва, 544–545.
- Глускина С.М., 1962: Морфонологические наблюдения над звуком [ch] в псковских говорах, in Ларин Б.А. (ред.), *Псковские говоры*. I. Псков, 28–57.
- Głuskińska Z., 1966: O drugiej palatalizacji spółgłosek tylnojęzykowych w rosyjskich dialektach północno-zachodnich, *Slavia Orientalis*, XV, 4. 475–482.
- Глускина С.М., 1968: О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров), in Глускина С.М. (ред.), *Псковские говоры*. II. Псков, 20–43.
- Жуковская З.В., 1962: О типе говоров к югу от Гдова, in Ларин Б.А. (ред.), *Псковские говоры*. I. Псков, 5–27.
- Зализняк А.А., 1995: *Древненовгородский диалект*. Москва.
- Костючук Л.Я., 2016: Сохранение родного языка в познании лингвогеографических достижений прошлого и настоящего (благодарная память о труде диалектологов), *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 9–10 (113). 106–111.
- Костючук Л.Я. (ред.), 1996: *Псковские говоры и их носители (сведения об изученности псковской народной речи с 1945 г.)*. Псков.
- Ларин Б.А., 1967: [Вступление], in *Псковский областной словарь с историческими данными*. Ленинград. Вып. 1, 3.
- Ларин Б.А., 1961: *Инструкция Псковского областного словаря*. Ленинград.
- Ларин Б.А., 1962: Предисловие, in Ларин Б.А. (ред.), *Псковские говоры*. I. Псков, 3–4.
- Ларин Б.А. (ред.), 1962: *Псковские говоры*. I. Псков.
- Ларин Б.А., 2002: *Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков*. Санкт-Петербург.
- Лоя Я.В., 1946: *Латышско-русский словарь*. Москва.
- Марасинова Л.М., 1966: *Новые псковские грамоты XIV–XV веков*. Москва.
- Морозова Н.А., Чекмонас В.Н., 2003: К проблеме грамматического статуса и значение сочетаний **быть**_{прош.} + л-овые формы глагола в старообрядческих говорах Литвы, in Костючук Л.Я. (ред.), *Псковские говоры. Синхрония и диахрония*. Псков, 206–223.
- Николаев С.Л., 1988: Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи, in *Балто-славянские исследования 1986*. Москва, 115–154.
- Псковский областной словарь с историческими данными*. Вып. 1–26. Ленинград / Санкт-Петербург, 1967–2016. [Издание продолжается.]
- Седов В.В., 1994: *Славяне в древности*. Москва.
- Седов В.В., 1995а: Освоение славянами Восточноевропейской равнины, in Седов В.В. (ред.), *Археология и история Пскова и Псковской земли. 1994*. Псков, 69–73.
- Седов В.В., 1995б: *Славяне в раннем средневековье*. Москва.

- Шахматов А.А., 2010: *Русская диалектология*: лекции / С приложением очерка “Древнейшие судьбы славянского племени”. Санкт-Петербург, 16–211.
- Fenne Tonni, 1607/1970: *Low German Manual of Spoken Russian Pskov 1607*. Vol. II. Copenhagen.
- Schrou Tomas, XVI/1997: “*Einn Russisch Buch*” Thomasa Schrouego: słownik i rozmówki rosyjsko-niemieckie z XVI wieku. Cz. II. Kraków.

BIBLIOGRAPHY

- Averincev S.S., 1990: Filologija, in Jarceva V.N. (red.), *Lingvističeskij jenciklopedičeskij slovar’*. Moskva, 544–545.
- Fenne Tonni, 1607/1970: *Low German Manual of Spoken Russian Pskov 1607*. Vol. II. Copenhagen.
- Gluskina S.M., 1962: Morfonologičeskie nabljudenija nad zvukom [ch] v pskovskih govorah, in Larin B.A. (red.), *Pskovskie govory*. I. Pskov, 28–57.
- Gluskina S.M., 1968: O vtoroj palatalizacii zadnejazyčnyh soglasnyh v ruskom jazyke (na materiale severo-zapadnyh govorov), in Gluskina S.M. (red.), *Pskovskie govory*. II. Pskov, 20–43.
- Gluskina Z., 1966: O drugiej palatalizacii spółgłosek tylnojazykowych w rosyjskich dialektach północno-zachodnich, *Slavia Orientalis*, XV, 4. 475–482.
- Kostjuchuk L.Ja. (red.), 1996: *Pskovskie govory i ih nositeli (svedenija ob izučennosti pskovskoj narodnoj reči s 1945 g.)*. Pskov.
- Kostjuchuk L.Ja., 2016: Sohranenie rodnogo jazyka v poznanii lingvogeografičeskich dostizhenij prošlogo i nastojashhego (blagodarnaja pamjat’ o trude dialektologov), *Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta*, 9–10 (113), 106–111.
- Larin B.A. (red.), 1962: *Pskovskie govory*. I. Pskov.
- Larin B.A., 1961: *Instrukcija Pskovskogo oblastnogo slovarja*. Leningrad.
- Larin B.A., 1962: Predislovie, in Larin B.A. (red.), *Pskovskie govory*. I. Pskov, 3–4.
- Larin B.A., 1967: [Vstuplenie], in *Pskovskij oblastnoj slovar’ s istoričeskimi danymi*. Leningrad. Vyp. 1, 3.
- Larin B.A., 2002: *Tri inostrannyh istočnika po razgovornoj reči Moskovskoj Rusi XVI–XVII vekov*. Sankt-Peterburg.
- Loja Ja.V., 1946: *Latyšsko-russkij slovar’*. Moskva.
- Marasina L.M., 1966: *Novye pskovskie gramoty XIV–XV vekov*. Moskva.
- Morozova N.A., Chekmonas V.N., 2003: K probleme grammatičeskogo statusa i značenie sochetanij byt^{prosh.} + l-ovye formy glagola v staroobrjadčeskich govorah Litvy, in Kostjuchuk L.Ja. (red.), *Pskovskie govory. Sinhronija i diahronija*. Pskov, 206–223.
- Nikolaev S.L., 1988: Sledy osobennostej vostočnoslavjanskih plemennyh dialektov v sovremennyh velikoruskikh govorah. I. Krivichi, in *Balto-slavjanskie issledovanija 1986*. Moskva, 115–154.
- Pskovskij oblastnoj slovar’ s istoričeskimi dannymi*. Vyp. 1–26. Leningrad / Sankt-Peterburg, 1967–2016. [Izdanie prodolžaetsja.]

- Schrou Tomas, XVI/1997: *“Einn Russisch Buch” Thomasa Schrouego: słownik i rozmówki rosyjsko-niemieckie z XVI wieku. Cz. II. Kraków.*
- Sedov V.V., 1994: *Slavjane v drevnosti*. Moskva.
- Sedov V.V., 1995a: Osvoenie slavjanami Vostochnoevropejskoj ravniny, in Sedov V.V. (red.), *Arheologija i istorija Pskova i Pskovskoj zemli*. 1994. Pskov, 69–73.
- Sedov V.V., 1995b: *Slavjane v rannem srednevekov'e*. Moskva.
- Shahmatov A.A., 2010: *Russkaja dialektologija: lekcii. S prilozheniem ocherka “Drevnejšie sud’by slavjanskogo plemeni”*. Sankt-Peterburg, 16–211.
- Zaliznjak A.A., 1995: *Drevnenovgorodskij dialekt*. Moskva.
- Zhukovskaja Z.V., 1962: O tipe govorov k jugu ot Gdova, in Larin B.A. (red.), *Pskovskie govory*. I. Pskov, 5–27.

LARISA KOSTYUCHUK

The Synchronic and Diachronic Relation of the Pskov Dialect to its Neighboring Languages (regarding Reporting and Research)

The collection and research of the Pskov folk speech have resulted in an understanding of the role of synchronic and diachronic relations of the Pskov dialect to its neighboring languages in the borderzone. Certain unique peculiarities of the Pskov dialect distinguish it from the East Slavic languages and all Russian dialects. The multi-faceted lexicographic work on the Pskov Regional Dictionary with Historical Data compels us to search for the explanation of specific dialectic aspects of certain words (**кѣп, все҃ди, мочи҃цю, подпояхаться, приведи булку**, etc.) and to find investigational solutions that change established academic judgments. Archaeological data are relevant for the study of the Pskovian ancestors' contacts with the native speakers of other linguistic systems (Baltic and Finno-Ugrian in the first place). The 20th century has demonstrated that records of the folk speech throughout all stages of preservation must be accurate, as the consideration of even rare facts may lay the foundation of an important discovery and new theoretical conclusions. Lexicography reflects and preserves knowledge of the Pskov dialect's past and present contacts with the Baltic and Finno-Ugrian people. Results of the academic research of unique aspects of the Pskov dialect (the lack of the second palatalization in bases **кѣп-, кѣв-, кѣд-**; unusual consonant blends [҃л], [҃кл]; the peculiar appearance of the sound [x]: **мяхо, спрахывать**; an exchange of sibilants and fricatives: **суба “шуба”**, etc.) have justified the special position of the dialect among East Slavic languages and all Russian dialects.

Keywords: Pskov dialect, Pskov Regional Dictionary with Historical Data, multi-level dialect peculiarities, lack of the second palatalisation, lack of consonant blends reduction, borderzone with Baltic and Finno-Ugrian languages, archaeology.

LARISA KOSTIUČUK

Pskovo tarmės ir jų diachroniniai ir sinchroniniai santykiai su aplinkinėmis kalbomis (tarmių užrašymas ir tyrimai)

Pskovo srities tarmių duomenų kaupimas ir nagrinėjimas parodo rusų tarmių kontaktų su baltais ir finougrais praeityje ir dabartyje svarbą. Tam tikrų unikalių Pskovo tarmių ypatumų moksliniai tyrimai pagrindė ypatingą Pskovo tarmių padėtį tarp visų rytų slavų ir rusų tarmių. Pskovo liaudies šnektų rinkimas ir tyrimai leidžia suvokti Pskovo tarmių sinchroninių ir diachroninių santykių su kaimyninėmis kalbomis vaidmenį paribio sąlygomis. Kai kurie unikalūs Pskovo tarmių bruožai išskiria jas iš visų rytų slavų ir rusų tarmių. Daugialypis leksikografinis darbas prie Pskovo tarmių žodyno (Псковский областной словарь с историческими данными) priverčia paaiškinti žodžių **кеп** (kultuvas), **vsegli** (užlipo, atsisėdo), **močiglo** (linmarka), **podpojachat's'a** (apsijuosti), **privedi bulku** (atvežk duonos) ir kt. specifinius tarminius bruožus ir pateikti paaiškinimų, kurie keičia visuotinai pripažintus mokslinius sprendimus. Svarbus yra archeologinių duomenų įtraukimas siekiant iširti, kaip pskoviškių protėviai bendravo su kitų (pirmiausiai baltų ir finougrų) kalbinių sistemų atstovais. XX a. parodė, kad liaudies tarmių fiksacija visais medžiagos išsaugojimo etapais turi būti patikima, nes laiku atkreiptas dėmesys net į menkiausius ir mažai paplitusius faktus gali tapti svarbių atradimų ir naujų teorinių išvalgų pradžia.

Reikšminiai žodžiai: Pskovo srities tarmės, Pskovo srities tarmių žodynas (su istoriniais duomenimis), skirtingų lygmenų tarmių bruožai, antrosios slavų kalbų palatalizacijos nebuvimas, priebalsių junginių išlaikymas, rusų-baltų-finougrų paribys.

Поступило в редакцию: 1 марта 2017 г.

Принято к печати: 28 августа 2017 г.

Лариса Яковлевна Костючук, доктор филологических наук, профессор Псковского государственного университета.

Larisa Kostyuchuk, Doctor of Philology, Professor of the Pskov State University.

Larisa Kostiučiuk, filologijos mokslų daktarė, Pskovo valstybinio universiteto profesorė.

E-mail: anh57@yandex.ru

Международные
ЯЗЫКОВЫЕ
ЧТЕНИЯ
сборник 4
Д.

Рига
2016